

Арсений Коваленко

ТРУБЫ

Фантастический роман

Арсений Сергеевич Коваленко

Трубы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63382308

Трубы. Фантастический роман / Коваленко А.С.: ИТРК; Москва; 2016

ISBN 978-5-88010-376-8

Аннотация

Книга написана на основе сна, ее автор мало и плохо спит, и иногда ему снятся сны, которые он записывает, как в случае с этой книгой. В ней изложены события и ощущения человека, который побывал в нескольких разных мирах. Мы очень любим фантастику и мечтаем о выдуманных мирах, где будем жить другой интересной и полной жизнью. Но и наш мир тоже может быть фантастичным и придуманным кем-то, миром, из которого не так просто выбраться. Но все ли миры такие светлые, добрые и интересные? Эта книга для каждого умного человека, который хоть раз в жизни остановился и подумал: «А что я тут, собственно, делаю? На своем ли я месте? И где это мое место?»

Содержание

Глава 1. Новый день	5
Глава 2. Второй новый день	14
Глава 3. Новый день / Званный ужин	24
Глава 4. Еще один новый день	33
Глава 5. Последний новый день	38
Глава 6. Понимание	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Арсений Коваленко

Трубы

Посвящается тому, у кого не было чернил и приходилось писать кровью свои последние стихи.

Глава 1. Новый день

– Какое хорошее утро, правда, милая?

– Да, очень хорошее утро, так приятно сидеть тут и смотреть на наш славный маленький город, погляди, как играет солнце – бликами на фасаде школы. В этом, действительно, есть что-то простое, но при этом красивое. Обычно ищут красоту в сложном и непонятном, стараются найти в новом, но забывают о старом и проверенном! А ведь красота может быть и в простых, обыденных и привычных нам вещах. Понимаешь?

– Ты сегодня настоящая поэтесса и философ, может, тебе попробовать взять краски или что-то такое и нарисовать это, пока солнце не вошло в зенит? Или написать про это пару строк?

Она рассмеялась и слегка толкнула меня в плечо своим плечом. Люблю, когда она так делает.

– Наш сын еще не в школе?

– Нет, он только собирается.

Я погладил свою милую по коленке, взял со столика на веранде уже остывший кофе, кружка была предательски испачкана разводами от кофе, впрочем, какая разница. На вкусовые ощущения это не влияет, и во мне лишь возмущался художник и эстет! Я выпил полкружки одним глотком и откинулся на спинку своей скамейки. Это было теплое утро, уже

начинался легкий зной, на улице – никого. В утренней дымке виднелись школа, библиотека и магазин, они стояли подряд, друг за другом, как на подбор. Картина вызывала умиротворение и спокойствие. Нет, я определенно художник в душе. Когда еще вот так можно посидеть с утра и никуда не торопиться, не думать о сложном?

– Милый, ты идешь в дом?

– Сейчас, только допью кофе.

Мой Мышонок лениво поднялась и пошла в дом, потрепав меня немного по плечу, бесшумно прикрыв за собою дверь. Я даже ее почти не заметил, я еще минут пять любовался видом на небо, которое открывалось впереди, – почти не было облаков, они лишь немного разбавляли светлый утренний небосвод. Впрочем, я смотрел на все то, что так любят жители маленьких теплых и ленных городков, где время почти не и дет, а течет, как маленький ручей в горах, скрытый от глаз. Я и сейчас чувствовал себя таким маленьким ручейком, его каплей, которая не спешила, а лениво текла по течению.

Я потянулся, допил вторым глотком кофе, сунул ноги в тапочки – еще не так тепло, и ноги немного промерзли, – укутался в свой любимый серый махровый халат с красными полосками и, шаркая ногами, пошел в дом. Тапочки были мне большими, но я их любил и давно к ним привык. Так же бесшумно закрыл за собою дверь, как и моя милая, сегодня не хотелось шуметь. Я вспомнил, что надо было попросить моего Мышонка купить еще молока, оно совсем закон-

чилося, а кофе без молока – редчайшая глупость. Стоя прямо в дверях, я стал искать глазами мою милую в гостиной, чтобы послать ее за покупками.

На ковре красные и синие узоры сплетаются с зеленым, ромбики заходят друг на друга. Почему я раньше не замечал узора этого ковра? И кто его таким придумал, что за глупость – красные ромбовидные полосы зигзагом врезаются в синие полосы, а те, в свою очередь, входят зигзагом. Редчайшая безвкусица, если вдуматься. Какой художник это придумал? И вообще, можно ли говорить о художнике в контексте узора на ковре? Представляет ли он хоть какую-то художественную ценность, была ли какая-то задумка при создании такого узора, где, в сущности, все было глупо и слишком пестро? Хотел бы я посмотреть на создателя этого узора, о чем размышлял человек, когда придумывал это анархичное буйство цвета с ломаными линиями?

Боль нарастала, она пульсировала по всему телу, ковер из грубой шерсти превращался в пульсирующие квадратики красного, синего и зеленого цвета. Казалось, что я видел еще и другие цвета, но возможно, это только казалось. В какие-то моменты боль отступала, и я различал на ворсе ковра маленькие песчинки или более грязные ворсинки, мог отличить одну, более чистую, от другой, более грязной. Что-то было не так со мной и моим зрением, полосы и зигзаги крутились перед глазами, и с этим я еще мог смириться. Но они превращались в крупные квадраты ярких цветов, и все перед

глазами напоминало цветастый пазл пляшущих квадратных элементом, которые крутились по своей оси. Я непроизвольно начал кашлять, и квадратики перед глазами исчезли, и снова появился этот ковер. Я увидел кое-что новое – это были большие пятна крови, это была моя кровь, я ею кашлял, даже не кашлял, а она лилась из моего рта, заливая весь ковер, те ворсинки, которые я раньше заметил. Грязные места ворса уже были не видны, и лишь кровь создавала свой причудливый узор, заливая ковер. Кровь была огромной цунами, которая надвигалась на маленький город, состоящий из шерсти, и поглощала его, унося волны все дальше от меня.

Зачем кровь идет из моего рта? Я пробую встать, но тело меня не слушается, боль уже не нарастает, она бьет молотом по всему телу. Встать не получается, я пытаюсь подняться хотя бы на локтях, чтобы осмотреться и позвать на помощь.

Видимо, зрение – это первое, что вернулось ко мне, если не считать адской боли, и только сейчас я стал различать звон в ушах, до моего сознания стали доходить звуки, не различимо и смешанно, какофония звуков. Было тяжело отличить один звук от другого, и все смешивалось в кашу, мне кажется, это действительно звон, и этот звон колокола – звонил по мне, определенно по мне. Мысли не могут сосредоточиться, и их лихорадочно бросает из стороны в сторону и куда-то не туда, боль все сильнее и отчетливее прорисовывается в спине. Видимо, это последствия болевого шока, и с этим связаны цветные квадратики, в которые превратился ковер.

Если я раньше говорил про «удар молотом», я соврал, я нагло врал – та боль, что была пять секунд, а может, и час назад, а может, и вечность, была лишь укусом, а настоящая боль только сейчас начала «бить» по-настоящему. Перед глазами опять забегали цветные квадратики. Они наступали волнами, и тогда разум уходил на второй план, а когда квадратик отступали, ко мне возвращалась возможность мыслить и понимать.

Надо подняться и осмотреться хоть как-то. Собрав все силы, я кое-как смог опереться на локти и немного приподняться, это не был упор в привычном понимании слова, я поднялся всего ничего, можно сказать, просто немного оторвался от пола, чтобы увидеть происходящие в моем доме. Ведь это все еще мой дом? О каких глупостях думает человек в экстремальном положении! Конечно же, это мой дом и мой проклятый ковер, узор которого я даже никогда не замечал.

Звуки, которые были бессмысленными, вдруг стали понятными, и все выстроилось по своим местам. Появилась какая-то логика и осмысленность, я начал понимать суть происходящего и по капле сопоставлять это в своем мозгу, мне надо было найти любое простое и логичное объяснение происходящему сейчас.

В воздухе летала пыль, перья от подушки, слышались крики и гогот, слева от меня, в обломках столика, стоящего у прихожей, валялся мой сосед. На столике раньше стоял те-

лефон на салфетке и ваза, сейчас это все было разбросано вокруг, а ваза представляла собой куски стекла, которые были повсюду, и даже на ковре перед моими глазами. Как я их раньше не замечал?

Я узнал его по жилетке синего цвета, но сейчас она была вся темно-красная от крови, синтепон от жилетки торчал в разные стороны, кусок плеча и руки был выгрызен, и казалось, рука висела лишь на куске рубашки, его отвратительной красной рубашки в клетку. Он облокотился на стену, он полусидел-полулежал, повернувшись ко мне в пол-оборота, его нога вздрагивала, это были предсмертные конвульсии. Что он тут забыл? Почему никто не вызывает «скорую помощь»? Рядом с ним валялась старая телефонная трубка, нашего старомодного телефона с дисковым набором видно не было.

Я порадовался тому, что не один я сейчас с такими проблемами тут лежу. И про себя почему-то ехидно подумал: «1:1», как будто речь шла о футбольном матче. Видимо, это последствия болевого шока, и я сам не в себе, мои мысли смешаны, спутаны и вообще. Конечно, так всегда происходит с человеком: ты лежишь в луже крови, но если твоему ближнему значительно хуже – а ему было намного хуже, с чем и спорить не надо, – то ты радуешься. Так мы устроены, чуть более сильная боль другого человека, для нас маленькая победа, даже если мы не чувствуем всего тела и сами лежим в луже крови.

Но нечего сейчас думать о соседе, надо разобраться, пока я еще в себе и что-то понимаю. Я перевел взгляд в глубь дома, шум становился сильнее, я уже различал отдельные слова и источники звука. Кто-то сильно и громко кричал, слышались звуки выстрелов. Боль, невыносимая боль в спине, отвлекла меня, я не мог сконцентрироваться на происходящем – она опять возвращала меня в мир квадратиков, плавающих перед глазами. Покосившись на соседа, я увидел у него на лице улыбку и из уголка губ текущую кровь, дикая ухмылка практически застыла на нем. Видимо, с таким выражением лица он и умрет сейчас. Но он был жив и лыбился, он даже скалился, как скалится хищная гиена. Он перевел взгляд на меня, и его глаза смеялись. Неужели он тоже думает про «1:1»? Нет, этого не может быть, не может человек с оторванным плечом и рукой «на ниточке» думать об этом, он что-то пытался говорить, и кровь лишь больше пошла из его рта, я даже не пытался понять его слов, я знал, что даже если очень захочу, то ничего не услышу. Наверное, он просит о помощи или пытается позвать на помощь, и только его хищное выражение лица вводило в большое заблуждение. Не о помощи он сейчас просит, не о ней, сейчас он – дикая гиена, которая умирает, но радуется тому, что и лев умрет за компанию. Не думаю, что он называл меня львом в своих мыслях, но картинка мне рисовалась в таком ключе. Я вспомнил о сыне, я очень надеялся, что он успел уйти в школу до того, как тут начался этот ужас. А что тут началось?

Я собрал все мысли и заставил себя подняться чуть больше на локтях и посмотреть вперед. Боль врезалась мне ножом в спину, я зарычал.

Но там ничего хорошего меня не ждало, наверное, надо лечь обратно и попробовать еще раз подняться – вдруг в следующий подъем на локтях что-то изменится, а это лишь моя фантазия, опять мой скверный юмор. Нельзя отвлекаться, надо разобраться в происходящем. Но мои шуточки даже в такой ситуации показались мне хорошим знаком – если человек находит силы шутить, все не так страшно. На секунду мне показалось, что я отключился, наверное, оно так и было, ведь я видел опять только ковер, это уже начинало надоедать мне. Первым делом я этот ковер выкину, если, конечно, выживу. Я опять приподнялся на локтях и стал очень активно всматриваться в происходящее, мой сосед по-прежнему лежал в обломках столика без признаков жизни. Впереди же происходило еще более странное и невозможное для моего разума событие. За поваленным диваном сидела, прислонившись к нему, жена этого соседа, и у нее не было полголовы, лишь одно кровавое месиво, и рядом с ней сидел ее старший сын, весь в крови, и заряжал дробовик. Казалось, до матери без полголовы ему мало дела, и он лишь быстро и уверенно засовывал большие красные патроны в свое оружие. Он вскочил и стал палить куда-то в глубь дома, в сторону кухни. В ответ уже в мою сторону полетели пули, откуда-то напротив, и я услышал, как разбиваются стекла за моей спиной,

видимо, это стекла от входной двери или от соседних окон моего милого дома. Проверить это по понятным причинам я не мог, и даже повернуться куда-то дальше соседа слева я не мог. Когда я опять сконцентрировался на парне с дробовиком, он уже лежал на полу, рядом со своей матерью – куда в его тело попали пули, было не видно, но кровь уже сочилась снизу. Выстрелы не прекращались, пули свистели по разным направлениям, в воздухе по-прежнему летали пыль и перья. Через несколько минут все стихло.

Силы начали оставлять меня, сам я опустил голову на ковер, он был уже весь в крови, в моей крови, мой нос опустился в кровь, это было отвратительное чувство. Я заметил тень передо мной, подняв немного голову – руки меня уже не слушались, – я заметил грязные кеды, в районе носка, на месте слома обуви, они уже потрескались, черные кеды, явно выдавшие виды, куски красноватой грязи застряли по белой подошве. Посмотреть, что было выше, я уже совсем не мог, мое сознание таяло. При попытке что-то сказать мои мокрые от крови губы шевелились, но звука не произносили, голос куда-то делся, или я просто не слышал себя. Повреждена спина и легкие – это то, что напоследок я смог осмыслить. Я услышал выстрел, и наступила темнота.

Глава 2. Второй новый день

– Милый, просыпайся, я сделала тебе кофе, опять остынет!

– Кофе все равно остынет, я никогда не успеваю к твоему кофе.

– Тогда не проси, чтобы я готовила кофе к твоему пробуждению!

– Не ворчи, я благодарен тебе за кофе, все в порядке, просто мне приснился плохой сон.

– Что в нем было, любимый?

– Ну знаешь, как в дешевом второсортном фильме про ворвавшихся грабителей, и все в этом духе.

– Ничего страшного, ведь это просто дурной сон!

– Ты все время так говоришь, это ненормально. Надо вставать и будить нашего сына, а то опять опоздает в школу.

Я нехотя приподнялся, крехтя, как старый дед, свесив ноги, надев свои тапочки. Не хотелось вставать, но сами понимаете. Каждое утро одно и то же, свесил ноги, ноги – в тапки, справа ночной столик. Я, кажется, изучил его лучше, чем свою любимую, я знал каждый его угол и изгиб, я интуитивно знал, куда надо поставить ноги и как встать, чтобы его не задеть ногами или руками, один из углов выпирающего столика всегда был в потенциальной опасности для частей моего тела. Все движения были отработаны до идеала,

я знал каждую секунду и каждый миг, я идеально вставлял ноги в тапочки и не промахивался. В этом я был лучший из лучших, как жаль, что не проводят соревнования и нет такой спортивной дисциплины! Я встал и накинул свой серый махровый халат с красными полосками, спросонья, стараясь взбодриться, медленно пошел из спальни, к комнате сына. Полосатые обои спальни, казалось, указывали мне выход к двери. Они всегда напоминали мне туннель на дороге с указателями и направлениями движения, разметками на стенах для особенно глупых водителей. Конечно, ничего общего с красными и белыми стрелками и дорожными указателями тут не было, но я всегда себе так этот узор представлял. Он явно показывал мне выход из спальни и давал четко понять – иди туда, выход там. А круглая рамка с нашим общим семейным портретом была для меня дорожным указателем скорости или знаком, запрещающим движение, в зависимости от того настроения, с которым я встал с кровати.

Я вышел в наш маленький коридор, тут стены были просто белыми с мелкими цветочками, для меня это всегда было обычной дорогой после туннеля, а цветы намекали на бесконечные поля вдоль дороги. Я, конечно, очень сильно притягивал свою фантазию, ничего общего тут с моими дорожными мыслями не было. Постучавшись в дверь, я услышал за нею какое-то бормотание, значит, сынишка проснулся. Удовлетворенный и этим малым, понадеясь, что ребенок сам дальше проснется и соберется к завтраку, я пошел вниз на

кухню пить свой уже наверняка традиционно остывший кофе.

Какой же у нас уютный домик, все так мило и по-домашнему! Спустившись с лестницы, которая выходит прямо к входу, я обратил внимание на ковер с красными и синими кривыми полосками. Что-то он мне смутное напомнил, но что? Не помню, странный у нас ковер, надо с ним что-то сделать, уж больно тревожно на него смотреть. С дорожной романтикой и туннелем у меня ассоциировался только второй этаж, низ же был безмятежным раем, милый и такой привычным дом, мне казалось, что не может быть иного дома, что он может быть только таким. Не бывает иных вариантов – светлые обои, любимая мебель и большой диван в гостиной. Диван – это гордость семьи, это духовный центр дома и место решения всех проблем.

Я медленно прошел до кухни, ведь я даже не надеялся успеть к горячему кофе, сел за стол и стал пить кофе из чистой белой кружки. Солнечный свет уже начал проникать на кухню среди прореди желтых штор, маленький луч все поднимался и скользил по столу, все ближе ко мне, вот он прошел по зеленым солдатикам сына, перешагнул через радиста, а радист всегда был самым нелюбимым солдатиком сына, видимо, из-за отсутствия в руках оружия, далее заскочил на пехотинца с оторванным автоматом и стал стремительно приближаться к моей кружке. Маленькие солдатики не хотели защищать мою кружку от солнечного луча и продолжа-

ли лежать на месте, лишь прорезанные солнечным светом. Я посмотрел на шторы, на вторые прозрачные кружевные шторы, и на душе почему-то стало очень хорошо. Частички пыли танцевали в области луча солнца, они кружили по своим орбитам, и смотреть на это можно было бесконечно. Но зацепиться на одной пылинке было невозможно, каждая из них была своей планетой, которая становилась видна под лучом и навсегда пропадала, стоило ей отойти с дороги луча. Покрутив кружку в руках, я заметил маленькое пятно от кофе.

Я взял свежую газету и пробежал заголовки глазами, не уцепившись за что-то интересное, отложил газету обратно. Я вернулся к наблюдению за галактиками и планетами пылинок на моей кухне. Пока наблюдал за этим, спустилась моя милая. Еще на пути к кухне она спросила:

– Как сегодня?

– Я думаю, надо с утра, и прямо к дому.

– Может, в школе лучше?

– В школе слишком много помещений, и преимущество будет на их стороне. Их же больше.

– Но зато есть где развернуться!

Я начинал кипятиться вместо остывшего чайника на нашей кухне.

– Я же сказал, их больше и поэтому...

Что именно из этого следовало, было и так мне хорошо понятно, и я решил не продолжать мысль, она тоже все поняла. Вечно эти девушки предлагают самый сложный вариант

и заставляют тебя чувствовать древним и ворчливым стариком, который объясняет прописные истины ребенку. Но для закрепления своей победы надо было добавить:

– Поверь мне, милая, в школе будет совсем неудобно.

Она лукаво посмотрела на меня, улыбнулась загадочной улыбкой Моны Лизы, за которую я так ее люблю, и просто молча кивнула, затем встала и налила себе в кружку уже просто теплой воды и засунула туда чайный пакетик.

Я продолжил свою мысль с вопроса:

– А что у нас есть?

– Сейчас посмотрю.

Она деловито встала и пошла к холодильнику, справа от него и до стены было целых 50–60 сантиметров пустого пространства. Она немного погремела железом и, отдуваясь, положила пластиковый черный ящик от овощей на стол, после вернулась к холодильнику и принесла три небольших автомата.

– Значит, у нас три автомата, по паре запасных обойм, несколько гранат и один пистолет.

– Почему один пистолет?

Я очень удивился – что можно сделать с одним пистолетом на троих? Впрочем, успокоился, посчитав гранаты, их было даже неприлично много. С этим можно было жить.

– Не знаю, милый.

Спустился сын и сел к нам за стол, я продолжил с подобного изложения своего плана:

– Мы выходим к соседскому парадному крыльцу, а ты, сынок, идешь к черному ходу и ждешь там, мы закидаем окна и фасад гранатами и начнем стрелять, они, скорее всего, отступят к черному ходу, где будешь ждать ты – вот и весь план.

Для подтверждения силы своих слов я потрепал сынишку по копне волос и остался собой полностью доволен.

Семья план одобрила, и вот мы стояли у соседнего дома с моей милой, всматриваясь в безмятежное утро, в стекла, на которых играли блики, и в закрытые синие шторы. Казалось, что дом спал, но это впечатление могло быть обманчиво. Почему сосед так любит синий цвет? У него даже шторы по всему дому в таком цвете. В окно верхнего этажа полетела первая граната, мы спрятались за мелким белым забором, укрытие нельзя назвать надежным, но иного не было. Раздался взрыв, разнесло верхнюю часть дома, остатки дерева и стекла разлетелись по всей округе; где было окно – теперь зияла огромная дыра, и сквозь нее проглядывались обои в полоску, и, естественно, синий цвет и тут преобладал; где-то уцелела рамка с фотографиями, но все остальное, насколько было видно снизу, разорвало и разбросало. Рамка была почти как у нас, но квадратная. Мы быстро вскочили с мест и кинули еще две гранаты, на этот раз в левое окно, где была детская, и опять же в то место, где раньше было окно и спальня. Раздалось еще два взрыва, всю переднюю часть дома разворотило, но дом держался, у него лишь сорвалось «лицо»,

и мы увидели практически все внутренности, теперь было очень хорошо видно первый этаж, но внутри мы не слышали криков или звуков, и это настораживало. От дома уже не было его доброй половины, возможно, трети или около того. Мы подбежали к двери, дом стоял на высоком фундаменте, и часть стен немного уцелела, за ними можно было укрыться, если присесть.

Раздались вялые выстрелы из дома, лезть под пули не было никакого смысла, и мы кинули еще две гранаты как можно дальше в глубь дома, а сами легли рядом с крыльцом, опершись на фундамент. Раздался большой взрыв, над нашими головами полетело дерево, стекло и все остальное, пыль закрыла все вокруг. Мы сидели так несколько минут, пока пыль немного не осела.

От дома почти ничего не осталось, передняя часть обрушилась, а почему держалась еще задняя часть дома, было для нас глубокой загадкой. Все это напоминало уже больше руины, и только боковые стены немного держались.

С правой стороны дома неожиданно вылез старший сын соседей и стал стрелять в разные стороны, как свойственно неопытным и молодым, он стрелял во все подряд, думая, что мы сидим за деревянным забором. Он рассудил, что забор не выдержит очереди из автомата, в принципе, он был прав – не выдержит. Но нас там уже не было, и он нас уже заметил. Не прекращая стрелять, он повел автомат в нашу сторону, огонь полоснул по нам, но милая была ближе к нему и закрыла ме-

ня своим телом, я видел только пару пуль, которые вошли ей в плечо и грудь. Огонь быстро стих, пули закончились. Я выстрелил, не вылезая из-за спины моей Зайки, и несколько пуль попало ему в шею и грудь. Он упал, не двигаясь с места, я выпустил еще пару очередей в него, на всякий случай. Милая сникла и лежала ко мне спиной, облокотившись на дом и ступеньки.

Не по правилам, скажете вы? По правилам, отвечу я вам. В дом я не пошел, решил проверить задний вход и стал обходить дом слева, стараясь не высовываться. Дойдя до задней двери остатков дома, я увидел труп моего сынишки с прострелянной головой и в пороге дома еще один труп подростка. Это был их второй сын, явно мертвый. Значит, остались двое. Не все пошло по плану, но время еще есть, еще не проиграли, можно сказать, что пока дружественная ничья. Я вернулся к парадному входу и заглянул в то, что осталось от внутренней части дома. Внутри был суший бедлам и все перемешалось, я разглядел ногу, женскую ногу, отдельно, она валялась у остатков стены, ближе ко мне. Значит, уже в нашу пользу шел счет, с жизнью такие травмы не сопоставимы. Значит, остался наш сосед в синей жилетке и красной рубашке в клетку, это хорошо, его сейчас хорошо видно в любом месте. Я увидел кровавый след, ведущий через сломанный забор в мой дом, крови было прилично, значит, скоро и победим. Сейчас нельзя было расслабляться, даже если он ранен и очень серьезно, он мог подкинуть сюрприз или спря-

таться где-то рядом и пустить меня по ложному следу. Перед решительной победой всегда можно оступиться на мелкой глупости и в итоге потерпеть фиаско. Не расслабляясь, я пошел по следу, насколько было видно, след заворачивал за мой дом, я делал несколько шагов вперед, после чего осматривался или искал укрытие, в нем я оглядывался по сторонам и, если все было нормально, – шел дальше, я совсем не торопился, сейчас время играло на нас.

У черного входа моего дома лежал-полусидел мой приятель в синей жилетке, почти как моя милая, у крыльца. Жилетка и красная рубашка все были в крови, но видимых повреждений не было. «Может, и выживет», – подумал я.

Поднял автомат и, не искушая судьбу, сделал две короткие очереди, тело вздрогнуло и повалилось на бок, на бетонные ступеньки полилась кровь. Еще раз я сделал очередь, патроны закончились. Я достал пистолет и сделал еще два или три выстрела. Сейчас важно исключить даже маленькую вероятность поражения.

Счет явно был в нашу пользу. Довольный и уставший, я пошел к их крыльцу посмотреть, что стало с моей милой Зайкой. Она лежала, облокотившись на ступеньки, дыхания не было. Значит, счет 2:4 в нашу пользу, хотя как можно считать в нашу пользу, если нас трое, а их четверо? Что-то тут не вязалось с математикой, я даже попытался как-то посчитать, то ли себя за 1,5 или за 2, но, не будучи уверенным, я решил не думать об этом сейчас. Какая разница, главное –

победа! Любой ценой!

Я сел на крыльцо, положил автомат на мусор от взрыва, слева от меня лежала моя милая, и я смотрел на здания впереди и на небо, облака были просто восхитительны.

Глава 3. Новый день / Званный ужин

– Она же душит меня.

– Ты как маленький, зато очень красиво!

– И очень непрактично, мне так кусок в горло не полезет.

– Тем лучше, в гостях много есть неприлично.

Я ворчал, крутился у зеркала, я пытался хоть палец засунуть за ворот рубашки. Бабочка темно-синего цвета явно покушалась на меня. А я думал, как избежать таких телесных мук. Я надеялся найти выход, лазейку, которая бы спасла меня от этой бабочки. Потерять ее? Глупо. Придумать очередной довод? Тоже глупо. Все было бесполезно, я почувствовал свою полную беспомощность в борьбе с бабочкой при массирующей поддержке моей милой. Иногда мы такие беспомощные, и любая мелочь может взять верх над нами, и какие бы горы мы ни сворачивали, какие бы страны ни бросали к ногам любимых, всегда есть маленькая бабочка из темно-синей твердой ткани, которая будет душить тебя, и ты ничего не можешь сделать с этим. Что для меня было перенести тяжелее? Беспомощность в вопросе выбора одежды или удушье, которое грозило более радикальными, но телесными муками? Что чувствуешь ты, император вселенной, громовержец и хозяин всего, когда тебе надо надеть бабочку? И ты не можешь ее снять, противиться этому нет никакой возможности! Было бы приятнее, если эта необхо-

димось, твой злой рок, пути твоей шеи приносили тебе радость и удовольствие. Тогда можно было сказать себе внутри – я согласен с этим, потому что мне это нравится самому, так сложились звезды, и я, император вселенной, принимаю эти правила игры. Если эту игру нельзя назвать приятной, а себя обмануть нельзя, никогда нельзя, мы ищем причину, повод найти в этом что-то, что не унизило бы наше достоинство – это испытание, я должен пройти его до конца! И таким образом мы смиряемся с удавкой на шее. В такие чувственные для своей шеи миги понимаешь, как силен человек в большом и как слаб в малом.

Перебрав в голове еще несколько вариантов, но не найдя спасительной соломинки, я тяжело вздохнул, надел пиджак и, ворча про себя, проклиная эту бесполезную деталь, которая была не к месту, не к делу, спустился вниз на кухню.

Внизу в гостиной уже сидел сын и возился с солдатиками, ему повезло чуть более моего – бабочки у него не было, и он был просто торжественно и немного по-деревенски одет. Детские костюмы и рубашки всегда смотрятся немного кукольно и забавно. Так наряжают детей на званые обеды в деревнях. Собственно, практически все так и обстояло на самом деле. И он полностью соответствовал своему образу.

Я попытался еще раз засунуть палец под ворот своей рубашки в надежде выиграть немного места для моей шеи, дышать становилось все сложнее. Выиграть не получилось, все

было тщетно.

– Дорогой, твой кофе готов!

Я прошел на кухню, милая возилась с каким-то блюдом, мы должны были взять его с собой в гости. Я сел за стол и взял в руку кружку кофе, привычное пятно, на том же самом месте, загадочно улыбалось мне, если, конечно, пятно на белой кружке может улыбаться. Кофе уже безнадежно остывал, видимо, выпить горячий кофе было невозможно, и я второй раз за утро покорился своей судьбе.

День был солнечный, всегда солнечный и теплый. Теплый зной, томные длинные тени от дома и забора, сверкающий асфальт перед домом и блики на зданиях через дорогу – это был очень хороший день.

Из дома мы всей торжественной процессией вышли к тротуару, прошли пять метров вправо и повернули к соседскому дому. Я предпринял последнюю попытку немного ослабить бабочку на моей шее, это было бесполезно.

Позвонили в синий звонок, нам почти сразу открыли.

Жена соседа была одета в полосатое зеленое платье, что было удивительно при их нездоровой мании к синему цвету, которая уже бросалась в глаза. В доме у них было шумно, видимо, это не только у нас большое событие.

Сосед в своей любимой жилетке синего цвета сидел перед телевизором, а его двое сыновей носились по дому. Мы вошли внутрь, сосед подошел к нам, крепко пожал мне руку

и вернулся обратно. Ему обязательно надо было досмотреть этот кусок передачи до конца. Я оставался еще в холле, но через диван и голову соседа видел телевизор. Очень странно, мне казалось, что я уже видел эту передачу, и этот момент хорошо отпечатался в моей памяти. Это было вчера? Позавчера? Не помню.

Приятные хлопоты поглотили наших женщин, они скрылись на кухне, сын пошел играть с соседскими ребятами. И только я не хотел идти на диван и смотреть это шоу по телеку. Я понимал, это неизбежно, но сей миг хотелось оттянуть подольше. Мне нужен был повод, и я его нашел – меня выручила стена прихожей. Вдоль всей стены, которая была частью лестницы на второй этаж, были повешены квадратные рамки с фото. Маленький черный стол, и на нем телефон. Вот и все мое поле битвы, где мне предстояло выиграть хоть немного времени.

– Что-то сегодня долго.

Это сказал я себе, и сам не понял, что я имел в виду. Роящиеся мысли в голове напали на меня, но я встряхнул голову и стал подробно рассматривать фотографии в рамках. Впрочем, они все были похожи, были скучными и однотипными. Их семья в сборе на этой фотографии, потом их семья в сборе на следующей, и так, сколько хватало глаз. Создавалось впечатление, что они даже сняты были в один день. Одежда на всех была почти одинаковая и отличалась лишь деталями, присутствием пиджака или отсутствием жилетки на соседе.

Даже его одинаковая щетина кочевала из фото в фото, видимо, из-за этого и складывалось такое впечатление.

Меня звали, я сделал вид, что не слышал этого и очень погружен в разглядывание фотографий. Прошло несколько секунд, меня позвали опять, и теперь уже надо было реагировать. Несколько секунд – это тоже неплохо, особенно для тех, кто не торопится.

– Соседушка, ты слышишь меня?

Меня передернуло от этих слов, надеюсь, этого не было заметно, внутри все съежилось, и захотелось орать.

– Да?

– Иди сюда, ко мне, посидим вместе, сидя лучше нагуливается аппетит!

Он похлопал рукой по обивке дивана, я подошел и сел рядом с ним. Надо было что-то у него спросить – соседская вежливость.

– Ну как дела?

– Делишки великолепно!

Его отвратительная манера исказить слова, как в старых фильмах, очень выводила из себя, или это я просто такой нервный?

– Что ты так долго в прихожей возился? Передача закончилась интересная!

– На ваши фото засмотрелся, очень мило, надо нам в прихожей тоже повесить свои.

Мимо шла моя милая, она вставила:

– Да, ты прав, дорогой, отличная идея!

Теперь меня передернуло от милой, сегодня я был явно злой и нервный, но этого нельзя было показывать. Я решил замаскироваться и всячески с ними согласиться.

– Конечно, милая, сегодня же вечером выберем фото!

Она ничего не ответила и ушла обратно. Тут вставил пару слов сосед:

– Не знаю, не знаю насчет вечера!

Я не понял его.

– Что это ты не знаешь?

Я уже начинал злиться, а удавка на моей шее становилась ошейником с шипами настоящего боевого пса.

– Не бери в голову, соседка!

Я промолчал, потом он задал еще несколько вопросов, рассказал про свою проблему – у него на ветру шатался забор впереди дома, и он спрашивал моего совета, как бы его укрепить.

После этого всех позвали на кухню, сосед стремительно побежал вперед меня, видимо, так сильно гнал его голод, в его глазах бегали нездоровые огоньки, этот возбужденный взгляд мне совсем не понравился.

Потом прибежали дети, я же замыкал шествие. Все мы уселись за длинный стол на кухне, и это было единственное помещение в их доме, где не преобладал синий. Я почувствовал себя спокойнее и добрее.

Во время еды я предпочитал молчать, и только сосед иной раз вставлял свои слова и искал одобрения, скользя по мне своим недобрый взглядом с огоньком. В основном говорили женщины, детишки ели и иногда перебрасывались двумя или тремя словами.

Моя милая была в классическом белом накрахмаленном платье с красными маками, платье было почти бумажным, казалось, что от любого ее движения исходил шелест бумаги. После каждой фразы она мило улыбалась, показывая маленькие ямочки щек. Она была прекрасна, волосы убраны в хвост, получился званый ужин в ретро-стиле.

– Правда, соседка?

С милой взгляд вернулся к соседу, я, видимо, засмотрелся и перестал слушать.

– Что правда?

– Я так и знал, что ты меня не слушаешь!

– Извини, я сегодня какой-то рассеянный, мыслями где-то далеко, но я же не порчу тебе этим аппетит? И вообще, если знал, что не слушаю, зачем говорить-то? Мог и подождать!

Я многозначительно посмотрел на его тарелку, она была пуста, и вся еда в пределах длины его рук тоже отсутствовала. Видимо, последняя фраза прозвучала немного грубовато, и мне стало немного стыдно, ее говорить не стоило.

В целом он неплохой человек, хороший даже, но сегодня меня все нервировало, мне было тяжело дышать от дурацкой бабочки, а еще было очень тревожно на душе, и эта тревога

выливалась во внутреннее раздражение.

Говорили о том о сем и ни о чем конкретно, все было буднично, как всегда, как мы и привыкли. Как только тема меняла свое направление, прошедшая сразу стиралась из памяти без следа. Я опять ушел мыслями куда-то очень далеко, погрузился в дальние дали.

Я посмотрел на него, а увидел лишь дуло дробовика, которое смотрело прямо на меня. Что происходит?

Я перевел глаза на милую и не узнал ее. Она лежала головой в тарелке, все платье было красное от крови, волосы разбросаны по столу и тоже все в крови. Ее руки были на столе, пальцы лежали в салате. За ее спиной с пистолетом стояла его жена, я посмотрел на сына. Он лежал примерно так же, костюм был весь в крови. За ним стояли два сына соседа. Я встретился взглядом с дулом, а потом и с глазами соседа, они пылали совсем не добрым огнем.

До меня дошла суть происходящего, первые несколько секунд были для меня дурным сном или непонятной картинкой, суть которой сначала непонятна, и лишь всмотревшись в нее, видишь весь ужас.

Я инстинктивно вскочил с места, стул с шумом упал за мной. Тяжело дышал, удавка еще сильнее душила меня. Лихорадочно вертя головой, я смотрел на волосы милой в крови, на сына.

Потом опять дуло, опять глаза с огоньком.

Я не сказал, я прохрипел:

– Зачем?

Раздался выстрел, меня отбросило, все погасло.

Глава 4. Еще один новый день

– Как думаешь, дорогая, может, нам купить новые халаты?

– Мне и эти нравятся, что это ты вдруг?

– Не знаю, меня они нервируют.

– Тебя все нервирует. Разбуди сына и пошли завтракать, твой кофе уже готов.

– Спасибо, милая.

Я встал с кровати, привычным и выверенным движением, как робот, засунул ноги в тапки и пошел в коридор. Меня почему-то мутило, и гудела голова, отдавая неприятной болью в затылке. Я постучался в дверь сына, за нею раздались звуки голоса и шуршания. Хорошо, значит, сын проснулся и дальше разберется сам. Даже стук в дверь отдался ударами молота по моему затылку.

Каждый следующий шаг по коридору и лестнице тоже отдавался неприятной болью в затылке, я напряг голову и весь как бы собрался и немного сжался, но от этого напряжения боль только усилилась. Надо было расслабиться, кофе бы мне сейчас помог.

Я сел за стол на кухне и взял в одну руку свернутую газету, а в другую – кружку с кофе. Забыв ритуально осмотреть кружку на предмет пятна, я вылил себе в горло почти весь кофе и развернул газету. Прочитал только два или три слова, боль в голове усилилась, и я отложил газету – если напрягать

глаза, боль становилась сильнее. Сейчас надо расслабиться и вообще пойти полежать на диване, может, отпустит.

Спустилась милая и сразу за нею сын, он сел рядом, она принялась готовить завтрак на скорую руку, через несколько минут все было готово, и она села с нами есть. Я через силу откусил кусок тоста, движение челюстями тоже далось с болью для головы, я поморщился и положил тост обратно на тарелку. Моя семья вопросительно смотрела на меня. Я перевел взгляд с сына на любимую и обратно. Потом недовольно спросил:

– Что?

Они молча смотрели на меня, и к боле и тошноте еще прибавилась злость.

– Да что такое?

– Милый, тебе нехорошо?

– Да, мне нехорошо!

– Как мы сегодня поступим?

Мне не нравился этот разговор, особенно нервировало хождение вокруг да около и это молчаливое рассматривание меня. Я не понимал, чего от меня хотят, и спросил:

– С чем поступим?

Две пары глаз очень пристально посмотрели на меня, и если глазами можно было прожигать, сейчас на мне было бы целых четыре дыры. Я все понял.

– Милая, давай сегодня ты сама решишь, у меня адски болит голова, и еще меня тошнит, мысли в голову совсем не

лезут.

– Хорошо...

Она, видимо, не ожидала такого и немного смутилась, но мое состояние, видимо, ее волновало мало. Эта ситуация все больше злила и нервировала меня.

Милая встала и пошла к холодильнику, потом принесла большой черный пластиковый ящик от фруктов и положила его на середину стола. Сынишка приподнялся и стал с интересом разглядывать, что находилось в ящике. Милая тоже рассматривала содержимое. И только я сидел на своем месте и глядел на все это, не двигаясь. Тучка прошла по лицу милой, и она села обратно за стол.

– Значит, мы поступим следующим образом, у нас только пистолеты и ножи, а это значит...

Дальше я ее не слушал, я погрузился в себя. Со стороны, конечно, это выглядело, будто я слушаю все, что она говорит. Но на самом деле мыслями я был далеко, и даже просто нигде, моя голова так болела, что думать о чем-то конкретном было невозможно. Не привлекая особенного внимания, я встал и наклонился над ящиком. Там и правда лежало несколько старых пистолетов и ножей. Я взял один из пистолетов и сел обратно.

До моего разума дошла фраза милой:

– Ты слушаешь меня? Что ты делаешь?

Я посмотрел на нее, улыбнувшись вымученной улыбкой, и сказал:

– Проверяю, чтобы все было хорошо и исправно. Мы же не хотим осложнений с оружием?

Она недоверчиво посмотрела на меня и продолжила свою речь, которую я тут же перестал слушать. Я держал в руках пистолет и смотрел на него. Я очень отчетливо чувствовал запах железа, такой запах или вкус ощущаешь, если укусить себя за язык до крови, мне показалось, что это очень связанные понятия. Вкус и запах железа, от крови и от железа, что-то тут было явно общее. Но что? Запах от железа или вкус железа от крови? Этого я не мог понять, я гладил пистолет рукой, а потом поднес руку к носу и почувствовал очень сильный запах железа, он проникал в мою голову, окутывал болезненное место. Этот запах говорил со мною, сейчас все превратилось в эти стальные нотки запаха, железа и крови, которые окутали меня и все мое внимание. Запах железа начал бить, если можно так выразиться, в затылок, я чувствовал, как этот таран ударяет по моему затылку. Видимо, от запахов сегодня у меня тоже болит голова.

– Договорились?

Я опять поглядел на милую, она выжидающе смотрела на меня, я повернулся к сыну и увидел такое же выражение на его лице.

– Конечно, милая!

Я достал обойму пистолета – она была полная – и заснул ее обратно. Взвел курок, посмотрел на пистолет с одной стороны, перевернул его на другую сторону – там тоже все было

хорошо – и засунул себе его в рот. Мне казалось, что слышал крики и ор вокруг себя.

Я нажал на курок, все стихло.

Глава 5. Последний новый день

- Просыпайся, любимый, твой кофе готов и ждет внизу.
- Он опять остынет, когда я спущусь.
- Сам же просишь меня готовить кофе к твоему пробуждению.
- Ладно-ладно, только не ворчи.

Я слез с кровати, попутно влез в свои тапки, натянул махровый халат в красную полоску, вышел из спальни в привычный коридор, по пути привычно постучался к сыну в комнату, на том месте, куда я традиционно два раза ударял костяшками пальцев, была маленькая вмятина, созданная по образу и подобию моих пальцев. Я удостоверился, что он проснулся, и собирался уже идти вниз, но застыл у лестницы. Я хотел кое-что узнать, одна вещь мне не давала покоя, она только простукивалась во мне.

Как пробивается маленький росток через асфальт? Растение такое слабое, а асфальт сверху такой сильный и нерушимый. Он как могильная плита для любого растения и всего, что находится под ним. Асфальт находится сверху и закрывает тот мир, который снизу, сурово накрыв его собой. Обычно меньше всего ожидаешь, что именно росток, кусочек травки вырвется с корнями, прорвет эту твердь и покажется на улице, в большом бетонном муравейнике, где люди думают, что над ними нет такого же своего «небесного

асфальта», через который надо пробиться и им. Но рано или поздно кто-то замечает этот росток и убивает его, асфальт меняют, и горизонтальная твердь восстанавливает свое былое величие. До нового смелого и безрассудного ростка травы уже в другом месте города.

Я бодрым шагом вернулся в спальню, моя любимая только потягивалась. Ее черты лица были прекрасны под лучами юного солнца, она тянулась так сладко, а ее вздернутый носик так игриво смотрел вверх, что хотелось лечь обратно в кровать и гладить его, не думая о насущных проблемах. Видимо, кто-то менял этот треснутый сверху асфальт, мысль моя таяла, и только женский облик в лучах утреннего солнца был в моей голове. Поймите, я не поэт, и мне тяжело описывать женскую красоту. Но я пришел не за этим, собрав все развороченные мысли, соединив в одно все многое из моей головы, волевым ударом пробивая этот асфальт снизу, я устоял на нее и не знал, как задать свой вопрос.

- Ты что-то забыл, милый?
- Да, я хотел у тебя узнать одну вещь.
- Какую вещь, милый?
- Как тебя зовут?
- Как меня зовут?
- Ну да, какое твое имя?
- Мое имя?
- Да, твое имя.

Она посмотрела на меня непонимающими глазами и ска-

зала:

– Иди вниз, пей, а то кофе остынет.

Потом она произнесла пару невнятных фраз, смысл которых я скорее не хотел слышать, чем их было сложно слышать. Мой асфальт сверху был уже закатан, и на нем даже уже кто-то ходил, утрамбовывал. Я повиновался и пошел, зевая, через коридор вниз на кухню. Спустившись, посмотрел на кружку кофе – кружка была в пятнах. О, как я это ненавижу! Я не стал торопиться и пить кофе, решил сначала изучить календарь. На стене висел наш семейный календарь, некоторые даты были отмечены галочкой, некоторые были пропущены и оставались пустыми, какой-то логики в галочках этого месяца я не видел. Их соотношение было почти одинаковое, но казалось, что галочек немного меньше.

Спустилась любимая, и я отвлекся от календаря. Сядясь за стол, она спросила:

– Какое сегодня чудесное утро, правда?

– Да, погода очень хороша, но настроение не очень у меня хорошее, скажу тебе честно.

Она молчала, я подумал, что неплохо было бы прогуляться, о чем поспешил сообщить милой.

– Давай сегодня проводим сына в школу вместе?

– А почему и нет! Дай мне пятнадцать минут.

Она ушла собираться, а через пару минут спустился сын и сел завтракать. Пока он завтракал, я читал газету, в которой не было ничего интересного или примечательного. События

были все похожи друг на друга и ничем не отличались, если смотреть вглубь вещей, да и если просто пройтись по заголовкам, все это я уже видел много раз. Мне кажется, я мог бы с легкостью сам пересказать содержание всех газет или работать предсказателем в той газете, предсказывать события. Эта мысль про газетного астролога очень позабавила меня.

Оторвавшись от газеты, я уже не помнил, о чем она была и какие новости я читал. Значит, точно ничего интересного. Допил кофе, ненавидя пятна на белом стакане. Мы быстро собрались и все вместе вышли из дома. Мысль о грязном стакане буравила мне мозг, видимо, с похожими мыслями мой новый друг-росток где-то сейчас пробивался сквозь асфальт. Почему кружка грязная? Почему она всегда грязная? Видимо, я очень зацикленный человек, другой бы этого и не заметил.

Конечно, проводить сына в школу – это всего лишь предлог выйти на улицу, ведь школа через дорогу, и идти всего несколько минут до школы и обратно.

На улице было удивительно пустынно, мы уже вышли на крыльцо, прошли лужайку с двумя гномами и вышли на тротуар, маленький шаг отделял нас от дороги, перехода перед нашим домом не было, он был левее, напротив высокого дома из старого красного кирпича. Но дорога всегда была пустынной, насколько я помнил, и поэтому мы смело переходили ее прямо, экономя целых семь или десять шагов по тротуару. Соседский дом был бесшумен, и только синие шторы

смотрели на нас сквозь многочисленные окна. Наши дома были очень похожи, но наш немного больше, или мне хотелось так думать. Возможно, все дело было в синем цвете, он искажал восприятие, и полосы, шторы – все это мешало понять настоящий размер соседского дома. Я вспомнил о разговоре в спальне, вернее, моем вопросе:

– Милая, помнишь мой вопрос с утра?

– Какой вопрос?

Я не успел договорить, лишь боковым зрением увидел, как сын упал вперед, и, не поняв, что происходит, до меня дошел звук выстрела, но с сыном было что-то не так, у него отсутствовало полголовы, и я еще подумал: «0:1 не в нашу пользу». Я встал как истукан и не понимал, что происходит. Я рванулся к сыну, но руки милой вцепились в меня и потащили в другую сторону, к старому высокому зданию из красного кирпича. Я обернулся, в ее глазах был ужас и отчаяние, но я ничего не понимал, и лишь она тащила меня к этому дому по соседству. Я посмотрел на дом, у которого, казалось, не было конца этажам, и он застилал собой небо, а мы были в бесконечной тени от него.

Я опять глянул в безумные от страха глаза любимой, и тут до меня дошел второй звук. Передо мною, буквально в десяти сантиметрах, «вспахался» асфальт, я понял: бьют очень большим калибром, дырка осталась внушительная и вырвала большой кусок дороги. В кровь брызнул адреналин, и уже я, а не милая, тащил ее к красному дому из кирпича. Десять

или около того шагов до дома превратились в километр. И метрам не было конца, мне казалось, что мы бежим целую вечность, и дом не становился ближе.

Мы уже были рядом с домом, я схватил маленький трехколесный велосипед, который стоял у крыльца, и швырнул его в стеклянные двери дома, велосипед попал в левую дверь. Она разбилась, я собирался пропустить вперед милую, но тут ее рука обмякла, и она упала, а до меня дошел еще один звук выстрела. Пуля пробила любимой спину и вырвала целый кусок груди, рана была огромная, в нее легко бы поместилась моя рука, все было в крови – дорога, я, везде была кровь, – я метнулся в дом.

Я не вошел в эту разбитую стеклянную дверь, я ввалился в нее, упал и провалился туда. Упав вперед, я подставил руки и быстро повалился за угол левой стены и услышал третий выстрел, он, наверное, ударил куда-то в сторону дверей и меня не зацепил, лишь куски кирпича разлетелись по коридору, послышался звон железа, видимо, попали между стеной и стальным косяком дверного проема. Я сидел за стеной у двери, мне было видно только маленькую часть улицы и небольшую часть тела моей любимой, лица не было видно, все закрыто волосами. Выглядывать сильнее из-за стены я не решался, а фантазия могла играть со мной злую шутку. Руки мои были в крови и ссадили, в ладонях – мелкие куски стекла и еще красная пыль от кирпича. Одежда была в крови и красной пыли, кажется, кровь не моя.

От стены опять полетели куски кирпича и стекла, это уже не была одна снайперская винтовка, по подъезду стреляли еще из автоматов, мне было сложно различить, сколько их было, но я знал – не больше четырех в любом случае. У меня всего один шанс выжить – это подняться вверх, выиграть немного времени, внизу таких шансов нет. Конечно, про выжить – это очень сильно сказано. Сейчас бы несколько минут просто просуществовать.

Вход на лестницу как раз напротив подъезда, и он полностью простреливался с улицы, каких-то два метра, и я на лестнице, потом три-четыре метра первого пролета, и я был бы в безопасности. Нужно было выждать правильную секунду и быстро пробежать к лестнице и потом вверх, когда немного стихнет огонь. Это длилось вечно, казалось, шли целые годы, пока выстрелы прекратились. И я рванул к лестнице, адреналин опять брызнул в кровь, в висках стучало, как в метро. Что такое метро? В висках стучало, как наша старая стиральная машина в подвале во время максимальной скорости стирки. Я бежал вверх по лестнице не жалея ног, несколько раз упал, какой-то хлам попадался под ногами, я сильно ударился коленкой о ступеньку, но не успокоился, пока не очутился на двенадцатом этаже. Старые выцветшие цифры вполне верно указывали мне нумерацию этого этажа.

Не разбирая дверей, я рванул в первую, не помню – какую, она не поддалась, и казалось, мелкие стекла в руке еще глубже вошли под кожу. Я знал, у меня выиграно всего несколь-

ко минут, а мне нужно немного больше, надо найти оружие, укрыться в одной из квартир и завалить вход.

Но есть ли тут оружие? На кухнях должны быть ножи или что-то острое. Панический страх пришел на смену адреналину. Другой рукой – в ней было меньше стекла – я открыл следующую дверь и вошел в квартиру. Я стал метаться из комнаты в комнату, сшиб коляску и повалился на пол, если я буду так шуметь, меня найдут быстрее, и надо сейчас успокоиться. Мысли о кухне и ноже совершенно пропали из моей головы, я забыл об этом совсем, и только желание выиграть лишние минуты, сделать несколько вдохов воздуха перед неминуемой смертью, только это сейчас заботило меня по-настоящему.

Что вы знаете о страхе? Дикий и настоящий страх превращает человека в безумную мышку, которая прыгает по своей клетке в поисках спасения, которого нет, бьется головой о решетку и решительно ничего не соображает. Понимает ли мышка то, что она обречена? Не знаю об обреченности мыши, но про свою знаю достаточно.

Рассуждения о мышке несколько успокоили меня – когда думаешь о страдании другого организма, не так тяжело на душе, ведь чужая рубаха не тянет. Я более детально осмотрелся в квартире, сначала я решил подпереть дверь тяжелым шкафом и выиграть время. Но они бы сразу заметили ту дверь, которая не открылась и которая была бы чем-то заграждена не с их стороны. Я поставил коляску на место и по-

старался придать квартире первозданный вид. Сначала они будут ломиться в закрытые двери, а потом сюда. Какой бред, о чем я думаю!

Я собрался и стал искать что-то похожее на оружие. В шкафах при беглом осмотре ничего не оказалось, на кухне не было даже ножей, а в комнате не было даже карандашей или ручек, ничего похожего на зонт или бейсбольную биту. Я терял время, они уже поднимались по лестнице, я знал это, чувствовал кожей. Мне мерещились звуки шагов по лестнице, я уже слышал, как ломают дверь в соседнюю квартиру, но возможно, мне это мерещилось.

Одна из комнат выходила окнами к торцу дома, я пошел туда. Прикрыл за собой дверь и открыл окно, оно поддалось тихо, и это было очень хорошо, я вылез в окно и свесил ноги вниз, страх подступал ко мне. Справа я увидел кондиционер, если повернуться и встать на окно носками, как-то хитро уцепившись за карниз, то можно ухватиться за него и залезть на этаж выше, облокотившись на кондиционер и на грубые выступающие красные кирпичи. Эта хитрая комбинация запутала бы моих преследователей, выиграла бы мне побольше времени, а там можно добраться до крыши и как-то спуститься незаметно вниз. Луч надежды, маленький лучик возможного шанса на победу просиял в моем разуме. Как поразителен человек – секунда назад онмышь, обреченная на гибель, а уже через секунду разум хватается за любой шанс и любую маленькую, но надежду на спасение, а может,

даже и победу.

Особенного плана у меня не было, о спуске вниз с этой стороны дома не было и речи. Подобие черной лестницы если и было, то не с этой стороны дома, ведь я не знал наверняка, я предполагал ее наличие у таких старых домов, а мог очень жестоко ошибаться.

Ухватившись одной рукой за кондиционер, а второй за кирпич над окном, я немного подтянулся. Выдержит, он обязательно меня выдержит! Стоя так, я медленно опустил стекло вниз и, держась за кондиционер рукой, на носках стоя на подоконнике, нашел опору другой рукой в выступающих кирпичках. Я намертво держался за кондиционер и промежутки между кирпичей, чтобы вес всего тела не приходился на что-то одно, я мог соскользнуть с подоконника в любой момент. Я бы не смог держаться на нем вечно, при этом балансируя свой вес, а идея с подъемом на этаж выше выглядела не такой простой, как раньше, я не уверен, что смогу по кирпичам забраться и уцепиться за подоконник следующего этажа. Я заметил темное отверстие вверху, не везде был кирпич, видимо, это была труба старой вентиляции, возможно, я смогу через нее залезть на этаж выше. Наверное, это очень старая и большая вентиляция, подтянувшись, одной рукой держась за крышку кондиционера, второй рукой я ухватился за нижний край трубы, с безумной удачей, я подтянулся еще раз и уже двумя руками и частью тела был в этой трубе. В глубине виднелся большой пропеллер и сетка. Засунув руки

как можно дальше, я вцепился в сетку, ржавая сетка потянулась на меня, я испугался, что сейчас вывалюсь с нее и упаду с двенадцатого этажа, но сетка лишь немного выгнулась и держалась крепко. Я смог подтянуться в глубь трубы, затаскивая за собой тело, моя задница и ноги продолжали висеть над пропастью, но я уже был в безопасности, хоть и на часть своего тела. Места было мало, немного меньше метра в глубину, но этого хватит, скрежет под весом моего тела опять отдался в натянутой решетке и моих ушах. Я испугался, что его сейчас услышат. Но других вариантов не оставалось, я попытался немного развернуться боком и как-то сесть так, чтобы не быть лицом к пропеллеру и сетке, мне надо было перекрутиться и сгруппироваться. Легче отбиваться, если смотреть лицом на них. Я выглядел довольно комично, торча задницей из трубы двенадцатого этажа. Я бы не хотел умереть в такой позе. Вот о чем я подумал. Но развернуться оказалось не так просто, тем более мне не хотелось создавать лишнего шума. Пытаясь повернуться под разным углом, я вдруг остановился.

Я почувствовал синий цвет. Звучит странно, я не увидел, я почувствовал, как он снизу поднимается вверх по дому, второй, третий, седьмой, пятнадцатый этаж, и пошел дальше вверх. Поле обволакивало все, как луч сканера ищет место, откуда можно считать информацию. Это поле прошло вверх, и я не понял, что это было, возможно, и это мне мерещится. Я еще не успел понять, что это было, я затих. Луч второй раз

поднялся с самого низа и до самого верха, я чувствовал, как он скользит через все, через меня и уходит вверх.

Кое-как я уместился внутри и забился как можно ближе к вентилятору, прижавшись к сетке. Она пахла ржавчиной, и эта ржавчина въелась в мои руки. В моих руках было все – и кровь, и стекло, и крошка кирпича, и вековая пыль трубы, и ржавчина сетки. Я с интересом уставился на свои руки и не узнавал их, такая смесь всего, чего на них и внутри них быть не должно. Конечно, стекло, мелкое битое стекло добавляло больше всего беспокойства из целого набора инородных веществ. Мой мозг лихорадочно думал, и в голове был целый рой мыслей, все перемешалось, я переводил взгляд с рук на кусок стены, на улицу и потом обратно. Когда мои глаза сделали такой воображаемый круг несколько раз, я понял, что мысли мои совсем смешались и я не думаю о чем-то конкретном, а повис в полной прострации.

Собравшись с силами, я попытался собрать все в одну кучу. Тут я заметил, что мои руки непроизвольно сжимаются в кулаки и разжимаются, видимо, это все от сильного психического напряжения. До этого времени мозг работал очень четко, я все сделал правильно и, кажется, верно рассчитал, когда тут спрятался. Но за все надо платить, и сейчас я расплачивался полным умственным бессилием.

Я сдался, и глаза мои просто беспомощно смотрели по сторонам, по рукам в ранах и крови, по всей скромной обстановке моего убежища. Я не думал о чем-то конкретном, я

упал в бутылку или вполне четко и дословно, если говорить конкретно, залез в трубу. Я заметил что-то необычное, то, чего тут совсем не должно было быть, это совсем было не к этому месту и не ко времени, я даже, кажется, заметил это не сразу, а лишь при втором или третьем скользящем осмотре. Потом мой взгляд, как бы замешкавшись, вернулся обратно, я даже не сразу понял, что это такое.

Внизу, за решеткой вентилятора, я увидел маленький листок бумаги, дешевый квадратик голубоватого цвета, даже его часть а не целый, он был в пыли, и голубой цвет только угадывался, я заслонял собой почти весь свет от неба. Кусочек бумаги зацепился за нижний обод от решетки, с другой стороны, он был рядом со мною. Но мне пришлось долго водить пальцем, прогибая решетку в разные стороны, дергая и водя пальцем по листику, чтобы вытащить его. Высвободив его из-под железного обруча, нужно было теперь просунуть его сквозь решетку в свою сторону, а это тоже было не очень просто. Пальцами двух рук я смог согнуть листик за решеткой и, осторожно держа его двумя пальцами, потащил на себя, придерживая так. Один кончик уже был с моей стороны, я зажал его мизинцем и большим пальцем, в итоге вытащил его к себе. Это была первая победа за сегодня, признавать победой мое отступление в эту трубу совсем не хотелось. Это было бегство, и себе врать на этот счет было бессмысленно.

С одной стороны бумажки – ничего, а с другой – короткая надпись. Сначала я совсем не понял, я прочитал ее еще

раз и еще раз. Мне даже показалось, что это написано на чужом языке. Смысл ее совсем не доходил до меня, я начинал злиться на себя. Буквы плыли перед глазами, бумажка была грязная, следы ржавчины и пыли меняли ее первозданный цвет, и к ним еще прибавились следы моей, а может, и не моей крови. Но я был прав, она была голубого цвета, того самого цвета, который я почувствовал с всем недавно. Или целую вечность назад?

Спасти или понять? Выкинь или съешь.

Страх опять забился внутри меня, смысл этой фразы доходил до меня, как прилив размывает песочный замок, и чем меньше этого замка оставалось, тем больше страха появлялось на его месте. Спасти, только бы спасти, все, чего мне хотелось в этот миг, это спасти, не важно, как и почему, не важно, какими средствами, главное – это спасение. И выиграть сегодняшний день, конечно! Стоп, что значит выиграть?

Мне достаточно спасти, только человеку предлагают спасение в крайне тяжелой, отчаянной ситуации, а он уже думает о том, что будет есть на ужин, ставит судьбе свои условия и качает права! Секунду назад я был на грани, даже сейчас я сижу в большой трубе вентиляции между этажами и уже ставлю условия, и ставлю их простому клочку голубой бумаги, на котором не пойми что написано. Совсем не благодарен человек, видя спасительную соломинку, которая, впрочем, не является полным гарантом его спасения и

надежд на лучшее, он уже раскатывает губу и строит планы! Эта мысль опять прогнала страх, даже немного рассмешила меня, хорошая ирония в такой момент. И тут я понял: я не хочу спасаться, я хочу понять. Что даст спасение? Очередное утро? Нет, я сыт и утром, и этой грязной кружкой, синими полосками – всем этим я сыт. Десерта не надо! Уносите остатки еды и несите счет!

Не думая более ни секунды, я засунул это в рот и стал жевать. Я не хочу спасаться, хочу понять. Это последняя мысль, которую я помню.

Глава 6. Понимание

«Ты все точно понял?» – гласил старый плеер в третий раз, потом в четвертый, потом, кажется, в пятый. Если шутку повторить много раз, она не становится от этого смешнее. Но я все понял, вернее, понял только конец, начало записи утонуло в моем сознании. Я скоблил пальцем крышку этого плеера, на нем была царапинка рядом с логотипом, и она удобно совпадала с ногтем на большом пальце. И, цепляя ее, можно было немного успокоиться, однотонные повторения одного и того же движения успокаивали меня. Я вспомнил про свои руки в ранах, но они были в полном порядке и даже чистые, это больше всего не укладывалось в голове.

Запись все повторяла и повторяла: «Ты понял? Ты понял?» Надеюсь, что понял, и надеюсь, что я понял все. Вы не думайте, что я сейчас буду подробно вам излагать, что мне сказал этот кассетный старый плеер, я лишь аккуратно положил его на плетеное полотенце рядом с тремя комплектами запасных батареек, встал и пошел из этой подворотни. Мне надо было передохнуть от этого «ты понял» и отвлечься.

Стены были из красной, даже светло-бордовой глины. Выход был под аркой, вверху лишь небольшой колодец света, и, возможно, этот же свет играл со мною злую шутку, причудливые тени создавали узоры на стенках из глины и на полу, кружили по полотенцу, на котором я сидел. Я вышел из-под

низкой арки, и справа, за еще одним поворотом, уже виднелся свет и какое-то движение. Я облокотился на стену и стал смотреть туда, на это движение, не стараясь увидеть или понять происходящее там. Я думал о том, что сказала пленка в плеере. Я прокручивал эти слова в своей голове, по-своему, как понял или не понял я, и не для вас, а для себя, понять и осмыслить хоть как-то те вещи, которые понять и осмыслить нельзя.

«Представь размер вселенной! Не можешь ты его представить, все упрется в какой-то порог, а теперь представь, что вся эта вселенная и твой порог, и даже твоя скромная возможность все это представить, галактики и планеты, миры и все другое, уместились в маленькой песчинке, лишь одна песчинка песка, что в песочнице за твоим домом. И теперь представь, что каждая из этих песчинок – такая же вселенная, размер которой ты не можешь представить. А теперь представь, что в каждой из этих вселенных есть своя такая же песочница где-то, где каждая песчинка – тоже бесконечный мир и вселенная. А теперь представь все это в обратную сторону. Познай не познанное, я тоже не понял этого, поэтому ты не одинок. И это только простое рассуждение, которое идет вперед и назад, из большого в малое и наоборот, где одна вселенная, как матрешка, спрятана в другой. А теперь представь себе еще одну плоскость, что не вперед и не назад, а как бы выше или ниже, а теперь представь еще одну плоскость и еще одну, и все это бесконечно друг в друге расши-

рывается из одного в другое и на уровень в разные бесконечные стороны. Это взрыв, где каждая частица – своя вселенная, которая тоже взрывается во всех направлениях».

Я помню это место в записи, тут голос в плеере сделал паузу, видимо, давая мозгу возможность немного остыть, а я пытался понять, честно и справедливо с его стороны. Но в месте, где голос сказал, чтобы представить вселенные в другую сторону, я окончательно сбился, а когда добавил еще и другие плоскости, я совсем потерялся. Дальше я помнил все относительно хорошо.

Голос плеера в моей голове продолжал свою мысль: «Каждый разумный или не очень организм, или даже не организм, попадает в свой уникальный мир, он может быть похож на твой, а может и не быть похожим, он может отличаться лишь одной деталью и быть копией твоего. А может быть и за гранью твоего понимания и уровня чувств или времени. Ты даже не сможешь понять или осмыслить этот мир или его величины. Этот мир может быть любым, и ты в нем будешь любым, но одновременно будешь собой. Частица твоего организма, самая малая капелька крови в тебе, тоже может быть своей вселенной, или капля может думать, что она живет в своем огромном мире, состоящем из океана, и если ты порежешься, эта капля выберется из своего мира, а может быть, и то и другое, и еще черт знает что вместе! Голова кипит?

Я заметил только одно правило в каждом мире. Ты будешь – собой, таким, какой ты есть, и если тебе посчастливилось

слушать это, то и в следующем мире ты останешься самым собой. Впрочем, я не знаю, верно ли это правило только для тебя и меня или для всех. Возможно, кто-то попадает в новый мир и не имеет ничего общего с собой прежним. Возможно, и не все могут попадать из одного мира в другой, возможно, нас двое – ты и я. А возможно, и я один, если никто сейчас не слушает эту запись. В целом все это – одна большая каша, и эта каша бесконечна, в себе и во всем, и как только пытаешься выделить хоть что-то из нее, теряешься в миллионе деталей, которые могут быть своими вселенными с уникальными или не очень правилами. Все это можно назвать просто, это «ИЛИ», все тут иначе или еще как-то, все тут или, если ты понимаешь все так или иначе.

Чтобы не рехнуться, из общего давай к легкому и к частному. Ты выбрался из своего мира и находишься в новом мире, что тебе делать с этим и зачем ты тут – я не знаю. Я спас тебя, ведь ты жил в мире, где был всего лишь один день, и редко он длился целый день, он кончался, когда ваш дом или соседний убивали друг друга. Я случайно побывал в твоём мире, можно сказать, проездом. Но возможно, я и погубил тебя, возможно, тот мир был для тебя всем и единственной сутью существования тебя, единственным, зачем ты был нужен. И я вытащил тебя, как рыбку из пруда, и ты теперь задыхаешься на берегу речки и скоро станешь чьим-то обедом. А как вернуться тебе обратно, я не знаю. Поэтому давай без обид!

Я видел миры и хуже, представь себе мир, который существовал всего несколько секунд, и выбраться из него было сложнее, значительно сложнее. Он обнулялся быстрее, чем я мог хоть что-то сообразить, это был настоящий кошмар. Но я справился, поэтому и тебе лишь понадобилась бесконечность, возможно миллионы лет, чтобы найти твой счастливый билет и послушать эту запись. Я не знаю, сколько времени ты его искал и сколько раз ты умирал в своей прихожей или по дороге к школе сына. Я думаю, это было, как в примере с песчинками, столько же раз. Возможно, ты пропахал целый океан, просеял много песка, чтобы сидеть теперь тут в непонятном тебе месте. Мне повезло: в какой-то момент мой разум оценил, что происходит, и из своего «двухсекундного» мира я выбрался спустя несколько тысяч или десятков тысяч попыток. Мне сложно посчитать, и если я начну, то быстро собоюсь, все там было однообразно.

Я не знаю, зачем я и ты существуем, я ничего, в сущности, не понимаю по-настоящему и даже не стараюсь разобраться. И не знаю, что с этим делать, чтобы ты ни делал, ты где-то окажешься, и если твой разум расщепить на миллиард осколков, где-то и когда-то он все равно соберется снова. Я надеюсь и верю в это, или я ошибаюсь. Слишком много или! Мне кажется, что из своего мира выбирают единицы, у меня сложилось впечатление, что выиграть в эту бесконечную игру получается только у некоторых, возможно, чтобы сыграть в более крупную или мелкую игру, но мне это только кажет-

ся. Всегда приятно чувствовать себя героем, смотреть сверху на тех, кто остался в тех мирах, если, конечно, по-настоящему в них был кто-то кроме тебя. Ведь мой разум просто может быть ошибкой? Что, если одна из песчинок в твоей песочнице оказалась разумной? Представь весь ее ужас – быть кусочком частного и неразумного, вечно кричать в пустоту, и когда-то кто-то просто наступит на тебя ногой. Весь ужас разумного существа среди бесконечного количества неразумного песка.

Каша? У тебя каша в голове? У меня тоже, можешь даже не говорить это вслух или про себя, я не понимаю, где мы, что мы и что из этого следует. Но я понимаю тебя, когда ты тонешь в океане, эта запись уже спасительный кусок дерева для тебя, ты остаешься в океане, полном соли, которая разъедает твою кожу, и далеко от дома, если дом вообще у тебя был. Но в твоей руке кусок дерева, и он тебя держит, пока что держит. А пока что? Этого я не знаю. Теперь и ты – та единственная разумная песчинка среди других неразумных.

Попробуй разбудить, да, разбудить – это будет верное слово, кого-нибудь, двое в одном мире – это уже не один. Переверни пленку».

На этом разговор обрывался, я перевернул пленку в кассете и стал слушать дальше, все путалось во мне, и я уже не пытался что-то понять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.